

Н.Н. ПОКРОВСКИЙ*

Крестьянские богословы России (XVII–XX вв.)

Индекс УДК 9.93/94
Код ГРНТИ 03.23.31

Во время археографического обследования старообрядческих поселений, скитов Сибири и Урала новосибирские и екатеринбургские археографы обнаружили сотни ранее неизвестных рукописей, содержащих народные богословские сочинения (догматические трактаты, исторические «родословия», соборные постановления, полемические послания и т.д.) за всё время существования раскола Русской православной церкви — от эпохи протопопа Аввакума и дьякона Фёдора до конца XX в. В статье рассказывается о ряде подобных находок, о влиянии на эти тексты динамичной исторической действительности, о некоторых методах анализа столь специфичных источников, характеризующих народное религиозное сознание.

Ключевые слова: церковный раскол, староверы, крестьянские богословские трактаты, народные богословы, поповцы, беспоповцы, униаты, единоверие, беглопоповцы, бегуны странники

Изучение памятников религиозного творчества крестьянских масс представляет интересную, увлекательную историческую и источниковедческую проблему. За годы, прошедшие со времени памятной статьи Д.С. Лихачёва в «Литературной газете», которая обозначила появившуюся, наконец, возможность историкам и литературоведам заниматься подобными темами, к ним стали обращаться неисчислимые толпы желающих быстро сделать себе имя на этой внезапно открывшейся ниве. Но велись и настоящие научные изыскания, как правило, в таких центрах, где ими в обход всяческой цензуры времён «великого застоя» серьёзно занимались

и ранее. Одним из таких центров является Новосибирск, где интерес к богословским сочинениям крестьян-староверов логически вытекал из общения с авторами и их преемниками в ходе археографических экспедиций.

Недаром же Д.С. Лихачёв, десятилетиями борющийся за право учёных заниматься литературоведческими и историческими проблемами изучения памятников русской литературы богословской тематики, ещё в 1984 г. смог особо отметить в подцензурных изданиях значение находок и трудов новосибирских археографов. «Сильной группе сибирских археографов необычайно повезло: они открыли не только отдельных авторов

* **Покровский Николай Николаевич** — академик РАН, доктор исторических наук, один из инициаторов создания РГНФ и член совета РГНФ.

Ил. 1. Три из четырёх рукописных томов, созданных в конце XIX в. в семье зауральских крестьян Макаровых и Силиных, — огромная подборка авторитетных в народной среде богословских текстов

и переписчиков рукописей, — они открыли целую сибирскую крестьянскую литературу, разрушили обывательское представление о крестьянах как о людях, не имеющих особых интеллектуальных интересов. Они отчётливо показали, что крестьянские волнения, время от времени прокатывавшиеся по всей России, имели за собой напряжённые духовные искания» [1].

С тех пор новосибирские и уральские археографы открыли в далёких скитах, в избах умирающих деревень, в современных многоэтажных домах, куда из этих деревень старики переселялись к детям, немало новых манускриптов, новых крестьянских сочинений, новых интереснейших редакций ранее известных текстов (ил. 1). Последний десяток лет работа по поиску, изучению, анализу и изданию этих текстов была бы совершенно невозможной без грантов РГНФ, которые в трудные годы не дали

умереть всему этому направлению сбережения истоков национальной культуры.

В Новосибирске результаты этих трудов издавались в ежегодниках серии «Археография и источниковедение Сибири» (вышел 24-й том серии [2]), в научных комментированных публикациях текстов «Духовная литература староверов Востока России в XVIII–XX вв.» и «Духовная литература староверов России в XVII–XX вв.»¹, в монографиях и монографиях-публикациях [3], в десятках статей. В источниковедческом плане хотелось бы отметить два обстоятельства. Во-первых, крестьянские богословские трактаты, подчас весьма обширные, в значительной части заполнены цитатами из Священного Писания и Предания. Иногда такие цитаты составляют почти весь объём произведения, перемежаясь краткими авторскими «рассуждениями здравого разума». Все цитируемые тек-

¹ Первый из этих томов вышел в 1999 г. в Новосибирске в издательстве «Сибирский хронограф» (Серия «История Сибири. Первоисточники». Вып. IX) / Отв. ред. Н.Н. Покровский. Второй том находится в типографии.

сты, как правило, давно и хорошо известны исследователям. Поэтому предметом анализа такого источника являются прежде всего та богословская система автора, ради утверждения которой он использовал древние тексты, а также методы, приёмы этого использования. Такие приёмы подчас позволяли староверам применять один и тот же авторитетный священный текст для доказательства противоположных богословских взглядов.

Однако источник позволяет изучать эти цитаты и с другой целью. Прослеживая их путь от иноязычных — греческих, арамейских и т.п. — подлинников в крестьянские «цветники», сборники непостоянного состава, историк может увидеть, какие промежуточные рукописные книги, старопечатные и новопечатные издания предпочитает автор, какими старообрядческими же сборниками он пользуется, как формируются и переходят из сочинения в сочинение целые комплексы цитат, которые используются для полемики, длящейся подчас веками. Анализ этих текстов, конечно же, выявил вполне понятный для мира староверия традиционализм, когда комплексы авторитетных святоотеческих аргументов, составленные ещё во времена дьякона Фёдора и Никиты Пустосвята, продолжают использоваться и в последующие века в догматических спорах как на прежние, обсуждавшиеся ещё в полемике XVII в. темы, так и на новые, поставленные меняющимися обстоятельствами реальной жизни. Но наряду с этими древними источниками в авторитетных для староверов дониконовских изданиях и рукописях уже с начала XVIII в. в догматической полемике всё чаще привлекаются и «никонианские» издания древних текстов, и сочинения противников, и труды гражданских историков, даже научно-популярные книжки и школьные учебники — причём не только как материал для критики, но и как резервуар полезных цитат.

Во все времена существования староверия важнейшей проблемой для его идеологов и адептов была необходимость

выживания в обществе, достаточно жёстко управляемом враждебной старообрядцам властью. И что особенно важно — долгое время властью не только военно-гражданской, но и тесно связанной с ней синодальной, к тому же исповедовавшей те же основные догматы православия, что и «ревнители древлего благочестия». Ситуация эта требовала как выработки особой тактики поведения, так и догматического обоснования допустимости такой тактики. Историки, в том числе и писавшие после «переворота 1917 г.» (термин, давно употреблявшийся подпольными старообрядческими авторами), исследовали основные факты, относящиеся к разным вариантам тактики поведения. Догматическая сторона проблемы изучалась гораздо менее интенсивно, практически здесь немного прибавилось после классических работ П.С. Смирнова [6–8], темой этой занимались прежде всего новосибирские археографы. Мы лишь начинаем изучать непростую научную проблему, вставшую перед противниками реформы Никона, — проблему осмысления староверами в категориях православной догматики сложнейших требований, новаций реальной жизни.

В допетровское время власть занимала по отношению к миру староверия бескомпромиссно репрессивную позицию: действовали законы о смертной казни за «исповедание раскола», старообрядец мог легализоваться в России только ценой публичного отречения от своей веры, зачастую — с полным перекрещиванием крещёных по-староверски. Соответственно, на другом полюсе бурно развивались предельно враждебные государству и Церкви догматические настроения, объявлявшие (с отсылкой к авторитетным церковным книгам) всю власть антихристовой и провозглашавшие исполнение древних христианских пророчеств о «последних временах»: о царстве Антихриста, то ли уже наступившем, то ли вплотную приближившемся. (Это последнее различие к концу XVII в. приведёт староверов к разделению на беспоповцев и поповцев, но не следует

думать, что в реальной жизни первые будут более враждебны к «антихристовым властям», чем вторые.)

Догматически логичным выводом из тезиса о победе в системе российской государственности Антихриста или его верных слуг было либо бегство за пределы России, либо мужественное сопротивление вплоть до гибели «верных» в больших и малых самосожжениях, полыхавших в XVII–XVIII вв. Но даже огнепальный Аввакум начал в Пустозёрске задумываться о том, что выживание староверия возможно лишь при более гибкой тактике; в практических советах единомышленникам он рекомендует и тайное исповедание своей веры, и даже разнообразные приёмы обмана духовных и светских властей. Иные из его советов граничат с весьма сомнительным компромиссом, они будут приняты далеко не всеми и в пустозёрской земляной тюрьме, и во всей России, вызовут продолжительные споры и разделения. Это будет способствовать созданию всё новых догматико-полемических сочинений, охватывающих широкий круг проблем: о признаках наступления «последних времён», о природе Антихриста согласно Священному Писанию и творениям отцов церкви, о судьбе священства и вообще всех таинств после Никона, когда у староверов не осталось своих епископов и, следовательно, собственных священников.

В первый героический период становления вероучения противников Никона этим нараставшим внутренним раздорам уделялось меньше места, а решающую роль играл догматический спор с господствующей церковью. Но очень скоро именно внутренняя полемика стала занимать всё больше места в сочинениях «ревнителей древней веры». Историками уже давно описан трагический раскол, происшедший между знаменитыми пустозёрскими узниками, когда многие смелые догматствования Аввакума, непростительно далеко выходявшие за рамки традиционного православного вероучения, вызвали последовательные возражения его союзника

дьякона Фёдора, гораздо более строгого богослова. Сейчас опубликован не только канонический текст одного из хорошо известных сочинений дьякона Фёдора, но его особая, дополненная в конце XVII в. (уже после его смерти) редакция. Это «Послание из Пустозёрска сыну Максиму и прочим сродникам и братьям по вере». Напомним, что догматствования Аввакума о сущности Живоначальной Троицы, о природе Богочеловека Христа, о священстве и критика этих взглядов дьяконом Фёдором приведут к бурной полемике в беглопоповских керженских скитах и проявятся затем в осторожном отношении урало-сибирских чашовенных к творчеству огнепального протопопа [5, 9, 10].

В то же время серьёзный прорыв, который сделали в петровское время на Выге братья Денисовы, хорошо освоившие и передовые киевские методы богословской полемики, и широкий круг новых источников (вплоть до «Великой науки» Раймунда Люллия – ил. 2), и научные методы источниковедческой критики, – этот прорыв будет одобрен далеко за пределами поморского согласия. Это, конечно, не помешает переходящей из XVIII в. в век XX полемике поповцев с Денисовыми (в первую очередь – по проблеме таинства священства), подчас с использованием сходных наборов цитат [3, с. 166].

В истории крестьянского богословского творчества, в том числе и на Востоке России, исключительную роль играли два московских издания середины XVII в. сочинений не народной, но высокой богословской мысли, связанных с борьбой высокообразованных богословов Киевской митрополии с наступлением униатов, – «Кириллова книга» и «Книга о вере». Освоение этих текстов начинает ещё первое поколение старообрядческих писателей и затем продолжают все последующие поколения, включая народных богословов Урала и Сибири вплоть до наших дней [3, с. 111, 136, 140, 142, 159–164, 228, 255; 11, 12]. И именно Денисовы определили в петровское время на многие десятиле-

Лишь к началу правления Петра III и Екатерины Великой крайняя неэффективность политики репрессий и вызванная ею утрата огромных людских ресурсов привели к новым послаблениям: было отменено двойное налоговое обложение староверов и некоторые более рационально настроенные идеологи староверия стали искать пути к широкому компромиссу с властями. Он был окончательно оформлен много позднее, в 1801 г., под именем единоверия, но для большинства староверов его условия оказались неприемлемыми. Обстановка эта в последней трети XVIII в. обострила во многих согласиях споры о допустимости легализации на любых предлагаемых «антихристовыми властями» условиях.

У беглопоповцев Востока России (софонтиевцев) проекты компромисса с духовными и светскими властями, выдвигаемые видными представителями заводской и торговой верхушки, сталкиваются с актами самого острого противостояния этим властям крестьянских общин во время массовых волнений 1782–1784 гг. Авторитетные скитские старцы (вроде о. Максима) отчаянно пытаются предотвратить раскол согласия. С этой целью о. Максим созывает представительный Невьянский собор в 1777 г. Опираясь на влиятельных заводских приказчиков, о. Максим не допустил осуждения тех, кто пользовался услугами перешедших в старообрядчество «никонианских» священников, и высказался за допустимость обоих противоположных решений трудных догматических проблем о возможности существования священства и таинств в «последние времена», реальных границ компромисса с властями [3, с. 21–23].

Острые богословские дискуссии, звучавшие на этом соборе и после него, отражали давние споры в старообрядчестве о благодатности крещения, священства и других таинств, совершающихся священниками, которые приняли реформы Никона. Перед обеими сторонами этого бесконечного

спора стояла задача, в принципе не имевшая решения на базе традиционного, глубоко почитаемого всеми старообрядцами верования древней Церкви. Нужно было решить, что лучше: вообще обходиться без священников, мирянам самим исполнять необходимые для спасения души таинства, или признать благодатным священство тех, кого сами староверы считали еретиками. И то, и другое было тяжёлым нарушением привычной православной системы догм, той самой «старой веры», за которую шли в огонь.

Выход обе стороны пытались найти в новой, базовой для всех старообрядцев догме о том, что в наступившие «последние времена» царства Антихриста или его слуг древние постулаты приобретают не абсолютный, но «смотрительный» характер — судя по обстоятельствам. Беспоповцы поэтому учили, что при Антихристе священство невозможно, оно «улетело на небо»; они старательно искали в церковной истории первых веков христианства отдельные примеры исполнения некоторых треб мирянами, возводя исключение в правило. Беспоповцы столь же тщательно изучали историю древних ересей, коллекционируя некоторые случаи приёма священников из ересей с сохранением их сана и игнорируя противоположные соборные определения. Так споры о священстве и таинствах тесно переплетались с догмой о наступившем «последнем времени» и острых разногласиях о природе Антихриста.

Нами был обнаружен новый уральский памятник этой полемики — «Послание В.В. к Б.И.» (инициалы эти не идентифицированы)¹. Почти за полвека до споров на Невьянском соборе здесь дискутировались те же догматические проблемы, что так волновали о. Максима и его противников. Б.И. в своём утверждении о том, что христиане могут обходиться без священства и причастия и что «простой человек» сам себя освящает, пытается опереться на авто-

¹ Древлехранилище УРГУ. Собрание XV (Шатровское). № 97р/875. Л. 1–16.

ритет Ефрема Сирина. Б.И. приводит из его Слов 84 и 112 цитаты о том, что «душа бо, Бога имеючи в себе, Церкви наречется свята и чиста и божественные тайны служатся в ней», что пустынники, живущие «в горах и вертепах», «сами суть священницы себе». (Позднее, после 1840 г., когда уральские беглопоповцы окончательно откажутся от священников, эти самые цитаты они будут использовать против крайних беспоповцев, доказывая, что отказ от священников не означает отказа от таинств причащения, брака и т.д.)

В.В. противопоставляет этим цитатам две другие из той же книги Слов авторитетного отца церкви (Слова 85 и 107). Первая повествует о благодатности церковного причащения, вторая притянута более искусственно, она содержит лишь известный тезис о том, что вера без добрых дел мертва. И уже сам В.В. добавляет, что из всех добрых дел христианина причастие является главным. Свою позицию он далее подкрепляет текстами о невозможности спасения души без причащения, вышедшими из-под пера таких церковных авторитетов, как Василий Великий, Никон Черногорец, Кирилл Александрийский. Касаясь поднятого Б.И. вопроса о причащении древних одиноких пустынников, В.В. приводит свидетельство Симеона Фессалоникийского о том, что архиереи повелевали таким аскетам держать у себя преждеосвященные иереями Дары, чтобы если не будет другого выхода, самим причаститься ими. Именно такими примерами в конце XIX в. отставной казачий полковник И.И. Канбулин в своём «Цветнике» будет доказывать возможность самопричащения преждеосвященными Дарами, обличая при этом как причащение у священников «австрийской» или «никонианской» церкви, так и полный отказ беспоповцев от причащения¹ [13]. Но к тому времени спор часовенных о священстве будет решён внешними политическими обстоятельствами: репрессии николаевского режима измени-

ли позицию торгово-промышленной верхушки согласия софонтиевцев-часовенных: одни примут казённое единоверие, другие на Тюменском соборе 1840 г. окончательно откажутся от священства.

Гораздо более радикальную позицию занял инок Евфимий, основатель самого крайнего течения в старообрядчестве (вскоре вообще вышедшего за его рамки) — согласия бегунов-странников. Благодаря трудам безвременно скончавшегося в 2005 г. новосибирского историка А.И. Мальцева обнаружены и частично изданы автографические сборники Евфимия, в том числе его лицевой «Цветник» и программные сочинения его последователей [4].

Странники проповедовали бегство из мира Антихриста, разрыв всех контактов с гнущим обществом, его властями как единственно спасительную для христианина модель поведения. Историкам отечественного общественного сознания будет интересен тот факт, что, осуждая любые такие контакты, даже в целях допускаемой государством легализации, странники уделяли немало внимания доказательству вполне подходящего веку Просвещения тезиса о недопустимости грубого вмешательства государства, его аппарата насилия в дела веры. Конечно, и из-под пера Аввакума выходили гневные филиппики в связи с казнями староверов в его времена. Но в обнаруженных А.И. Мальцевым сочинениях странников мы находим детальную разработку темы, включая и догматические построения, и примеры из древней церковной истории (хотя представление об индифферентности светской власти к церковным делам не характерно для православной канонической традиции). Автор страннического трактата «О расколническом именовании...» не входит, однако, в рассмотрение старой проблемы о допустимых границах вмешательства православного государя в дела православной Церкви. Для него неправославие, дьявольский характер российской

¹ Собрание ИИ СО РАН. № 186/86. Л. 193–195 об.

императорской власти вполне аксиоматичны, и любые контакты с её представителями недопустимы категорически.

Самое крупное согласие беспоповщины – поморское – также дало новосибирским археографам ряд ценных памятников. Это прежде всего огромный полемический трактат «Обские ответы («Щит веры»)», созданный в Сибири в конце XVIII в. Сейчас находится в печати в сборнике «Духовная литература России» центральный, 5-й, раздел памятника, озаглавленный «О Антихристе». Он посвящён проблеме, легшей в основу догматического разделения поповцев и беспоповцев, – проблеме духовного или чувственного понимания природы Антихриста. Ещё в XVIII в. выявилась тесная связь этой проблемы с более широким вопросом о разных способах понимания текстов Писания и Предания, в том числе – «чувственного» (буквально, «по буквам») и духовного (иносказательного, сокровенного) их толкования.

Публикуемый памятник последовательно, по всем выявленным за полтора века предшествовавшей полемики пунктам, даёт «духовное» понимание священных текстов, использовавшихся оппонентами в этом споре. Неизвестный сибирский автор демонстрирует при этом, сколь полно и органично утвердилась в поморском согласии литературная и полемическая школа братьев Денисовых (рис. 3), тесно связанная с таким важнейшим явлением общерусской культуры грани XVII и XVIII вв., как стиль барокко с его исключительным вниманием к методам и правилам риторической науки. Любовь к «риторскому, философскому и феологическому учению», которое Андрей Денисов почерпнул в знаменитом его источнике – Киевской духовной академии – и привил к ранее враждебной этим новинам старообрядческой культуре, живёт на страницах огромного сибирского сочинения, принося свои плоды и в конце «века Просвещения».

Приступая к опровержению аргументов оппонентов «чувственника», автор «Обских ответов» сразу же поучает его о существо-

вании разных способов толкования Писания, разных «разумов», тут же добавляя: «И сия убо разумы ради познания предает нам риторские учение». И в дальнейшем будет подробно доказываться, что «чувственники», приводя тексты Священного Писания и Отцов Церкви, каждый раз употребляют не тот «разум», чаще всего – «мертвящую букву» вместо «животворящего духа».

Одним из наиболее интересных итогов новосибирских археографических экспедиций стало выявление того необычного факта, что линия потаённой крестьянской письменности по историко-богословским проблемам староверия, возникшая в экспедиционных сборах начиная с памятников XVIII в., продолжается вплоть до сочинений 1990-х гг. Это даёт историку уникальную возможность наблюдать, как бурные социальные и политические события прошлого века отразились в этом специфическом жанре [3, с. 239–446; 14, с. 315–327; 15, с. 285–291].

Жёсткие реалии советских времён не могли не сказаться на характере догматико-полемического творчества урало-сибирских крестьян-староверов. Защищаясь от тотального государственного атеизма, крестьянским писателям приходилось обосновывать не только такие специфические черты своего согласия, как, например, изменение отношения к беглым иереям, но и отстаивать самые основы христианской веры или даже вообще веры в чудесное и божественное, наличие Творца в мироздании. Это существенное расширение, по сравнению с предыдущими веками, самого предмета полемики проследивается в нескольких сочинениях часовенных XX в. [9].

Поскольку атеистическая пропаганда вполне однозначно твердила постоянно, что современная наука категорически опровергает главный религиозный постулат о бытии Божиим, поскольку сама эта наука во многом представляла перед верующими под обложкой журнала «Наука и религия», довольно беспардонно по-

Ил. 3. Поморские писатели Андрей и Семён Денисовы (выговский лубок)

дыгryвавшего красноярским чекистским карателям в их борьбе против скитов часовенных на Дубчесе [16], крестьянские авторы в свою очередь предъявляли счёт науке — за истребление окружающей среды «передовыми технологиями», за атомное безумие и реальную угрозу ядерного Армагеддона. Так, в круг тем часовенных авторов закономерно входят экологические проблемы, которые и в общественном сознании всего социума неплохо сочетаются сегодня с апокалиптическими ожиданиями конца света. Кстати говоря, уже в наши дни среди часовенных Сибири мгновенно распространилась и общемировая легенда о едином компьютере — Антихристе.

В 1982 г. талантливый современный писатель-старовер с Нижнего Енисея А.Г. Мурачёв написал большое догматическое сочинение «Об останке Израилевом», посвящённое современным подтверждениям ветхозаветных пророчеств. Сначала крестьянский автор доказывает возможность и необходимость толкования некоторых текстов Писания, в первую

очередь — ветхозаветных книг пророков, затемнённый смысл которых становится понятным лишь накануне или в период их исполнения [17, с. 36]. Поэтому требуется постоянное сличение их с «событиями времени», чему и посвящены многие сочинения самого Мурачёва и его учителя игумена Симеона (С.Я. Лаптева). Этот последний доказывал начальнику карательной команды, посланной в 1951 г. для разгрома его скита, уничтожения огромного собрания древних книг и ареста монахов, что «тот, кто вскоре объединит весь мир в единую коммунистическую державу, и будет согласно Писанию Антихристом». Мурачёв же, толкуя пророчество Исаии (Ис 4:3) и Иезекииля (Иез 1–23, 39) о битвах последних времён, считает социалистов и коммунистов «оружеборцами», которые окончательно разрушат капитализм с его антихристовой властью денег, а затем и сами «позднее со Антихристом вкупе будут пожжены яростию Божиею».

Проза Мурачёва, подобно творчеству Аввакума, отражает народное стремление

представить торжественные древние тексты в живом, доступном современному читателю виде. Отождествляя загадочного Гога из пророчества Иезекииля с КПСС, сопрягая это пророчество с текстом Апокалипсиса, Мурачёв так описывает похвальбу коммунистов завоевать весь мир в царство пролетариата: «Главкомандующие по-смененно выходят на ораторскую трибуну, по радио чрез громкоговоритель трубят на всю армию ободрительные повести, возбуждая всех к мужеству, говоря: Наша Гоговская армия непобедима, она разрушила устаревший многовековой строй царизма... Мы словом в мире победители космоса, мы наукой и техникой гордимся и с таким массовым оружием никому не поддадимся» [18–21].

Многие сочинения староверов XX в. суть явления художественной литературы

в неменьшей мере, чем знаменитые толкования Аввакума на Евангелие. Они вполне достойны изучения специалистами-филологами, которые с должным пиететом относятся к устному народному творчеству (даже в современных записях), но подчас не нисходят до письменного народного творчества. Быть может, живое общение с крестьянскими богословами, быть может, хорошее знание многовековой глубины этой традиции способствуют тому, что новосибирские археографы не заражены этой болезнью и стараются изучать догматические тексты староверов и как литературный факт со своими поэтикой, творческими приёмами, системой художественных образов, языком [19].

(Воспроизводится по: Вестник РГНФ. 2005. № 4. С. 5–16)

ЛИТЕРАТУРА

1. Лихачёв Д.С. Археографическое открытие Сибири // Покровский Н.Н. Путешествие за редкими книгами. М., 1984. С. 7.
2. Общественная мысль и традиции русской духовной культуры в исторических и литературных памятниках XVI–XX вв. / Отв. ред. Е.К. Ромодановская. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2005.
3. Покровский Н.Н., Зольникова Н.Д. Староверы-часовенные на Востоке России в XVIII–XX вв. Проблемы творчества и общественного сознания («Памятники исторической мысли»). М., 2002.
4. Мальцев А.И. Сочинения инока Евфимия. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2003.
5. Титова Л.В., Демкова Н.С. Послание дьякона Фёдора сыну Максиму – литературный и публицистический памятник раннего старообрядчества. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2003.
6. Смирнов П.С. Внутренние вопросы в расколе в XVII в. Исследование из начальной истории раскола по вновь открытым памятникам, изданным и рукописным. СПб., 1898.
7. Смирнов П.С. Споры и разделения в русском расколе в первой четверти XVIII в. СПб., 1909.
8. Смирнов П.С. Из истории раскола первой половины XVIII в. По неизданным памятникам. СПб., 1908.
9. Титова Л.В. Послание дьякона Фёдора сыну Максиму // Духовная литература староверов России в XVII–XX вв.
10. Титова Л.В. Литературная судьба пустозёрского архива на Керженце // Материалы Международной конференции «Христианство в Волго-Уральском регионе: история и культура». Казань, 2003.
11. Гурьянова Н.С. «Книга о вере» в системе авторитетов старообрядчества // Старообрядчество в России (XVII–XX вв.). М.: Языки русской культуры, 2004. С. 205–223.
12. Гурьянова Н.С. О приёмах построения текстов писателями-старообрядцами // Гуманитарные науки в Сибири. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2004. С. 23–28.

13. Полный свод законов. Т. VI: 1720–1722. СПб., 1830. № 3718. С. 342.
14. Рассказ о Невьянском соборе 1777 г. // Духовная литература России в XVII–XX вв. (в печати).
15. Зольникова Н.Д. Нижнеенисейский сборник: часовенное согласие, начало XXI в. // Проблемы истории России. Вып. 6: От средневековья до современности: Сборник научных трудов. Екатеринбург, 2005. С. 315–327.
16. Зольникова Н.Д. «История России с древнейших времён» С.М. Соловьёва в сибирском старообрядческом сборнике второй половины XX в. // Проблемы социально-экономического и культурного развития Сибири XVII–XX вв. Новосибирск, 2005. С. 285–291.
17. Шамаро А. На берегу чёрной магии // Наука и религия. 1963. № 1. С. 24–28.
18. Зольникова Н.Д. Ветхозаветные пророчества в творчестве А.Г. Мурачёва // Гуманитарные науки в Сибири. 2004. № 3. С. 34–38.
19. Журавель О.Д. Повествования агиографического типа в поздней старообрядческой традиции (на материале Урало-Сибирского патерика) // Исторические и литературные памятники «высокой» и «низовой» культуры в России XVI–XX вв. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2003. С. 204–228.
20. Журавель О.Д. «Повесть известная и свидетельствованная о проявлении честных мощей и отчасти сказание о чудесах святого и праведного Симеона, нового Сибирского чудотворца»: модификация агиографического канона // Славянский альманах. 2002. М.: Индрик, 2003. С. 311–318.
21. Журавель О.Д. Повесть о видениях пустынножителя Михаила – памятник старообрядческой литературы // Гуманитарные науки в Сибири. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2004. № 3. С. 16–23.
22. Журавель О.Д. Старообрядческий писатель Афанасий Мурачёв: новые сочинения на евангельские мотивы // Исторические источники и литературные памятники XVI–XX вв. Развитие традиций. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2004. С. 286–307.

Peasant Theologians in Russia (17th–20th centuries)

Nikolay Nikolaevich Pokrovsky – RAS academician, Doctor of Science (History), one of the founders and board members of the Russian Humanitarian Scientific Foundation.

Archaeographers from Novosibirsk and Yekaterinburg conducted an archaeographic survey of Old Believer communities and sketes in Siberia and the Urals, revealing hundreds of unknown manuscripts containing folk theological writings (dogmatic treatises, historical "genealogies," cathedral resolutions, polemical pastorals, etc.) for the entire period of the Schism of the Russian Church, from Avvakum and Deacon Fedor through the late 20th century. The paper describes a number of discoveries, explores the influence of dynamic historical conditions on these texts, and outlines some methods of analysis of these unique sources that reflect folk religious consciousness.

Keywords: Russian Church Schism, Old Believers, peasant theological treatises, folk theologians, Popovtsy, Bespopovtsy, Uniates, Edinoverie, Beglopopovtsy, Beguny pilgrims

REFERENCES

1. Likhachyov D.S. Arkheograficheskoe otkrytie Sibiri // Pokrovskii N.N. Puteshestvie za redkimi knigami. M., 1984. S. 7 (in Russian).
2. Obshchestvennaya mysl' i traditsii russkoi dukhovnoi kul'tury v istoricheskikh i literaturnykh pamyatnikakh XVI–XX vv. / Otv. red. E.K. Romodanovskaya. Novosibirsk: Izd-vo SO RAN, 2005 (in Russian).
3. Pokrovskii N.N., Zol'nikova N.D. Starovery-chasovennye na Vostoke Rossii v XVIII–XX vv. Problemy tvorchestva i obshchestvennogo soznaniya («Pamyatniki istoricheskoi mysli»). M., 2002 (in Russian).
4. Mal'tsev A.I. Sochineniya inoka Evfimiya. Novosibirsk: Sibirskii khronograf, 2003 (in Russian).
5. Titova L.V., Demkova N.S. Poslanie d'yakona Fyodora synu Maksimu – literaturnyi i publitsisticheskii pamyatnik rannego staroobryadchestva. Novosibirsk: Izd-vo SO RAN, 2003 (in Russian).
6. Smirnov P.S. Vnutrennie voprosy v raskole v XVII v. Issledovanie iz nachal'noi istorii raskola po vnov' otkrytym pamyatnikam, izdannym i rukopisnym. SPb., 1898 (in Russian).
7. Smirnov P.S. Spory i razdeleniya v russkom raskole v pervoi chetverti XVIII v. SPb., 1909 (in Russian).
8. Smirnov P.S. Iz istorii raskola pervoi poloviny XVIII v. Po neizdannym pamyatnikam. SPb., 1908 (in Russian).
9. Titova L.V. Poslanie d'yakona Fyodora synu Maksimu // Dukhovnaya literatura staroverov Rossii v XVII–XX vv. (in Russian).
10. Titova L.V. Literaturnaya sud'ba pustozerskogo arkhiva na Kerzhentse // Materialy Mezhdunarodnoi konferentsii «Khristianstvo v Volgo-Ural'skom regione: istoriya i kul'tura». Kazan', 2003 (in Russian).
11. Gur'yanova N.S. «Kniga o vere» v sisteme avtoritetov staroobryadchestva // Staroobryadchestvo v Rossii (XVII–XX vv.). M.: Yazyki russkoi kul'tury, 2004. S. 205–223 (in Russian).
12. Gur'yanova N.S. O priyomakh postroeniya tekstov pisatelyami-staroobryadtsami // Gumanitarnye nauki v Sibiri. Novosibirsk: Izd-vo SO RAN, 2004. S. 23–28 (in Russian).
13. Polnyi svod zakonov. T. VI: 1720–1722. SPb., 1830. № 3718. S. 342 (in Russian).
14. Rasskaz o Nev'yanskom sobore 1777 g. // Dukhovnaya literatura Rossii v XVII–XX vv. (v pechatii) (in Russian).
15. Zol'nikova N.D. Nizhneeniseiskii sbornik: chasovennoe soglasie, nachalo XXI v. // Problemy istorii Rossii. Vyp. 6: Ot srednevekov'ya do sovremennosti: Sbornik nauchnykh trudov. Ekaterinburg, 2005. S. 315–327 (in Russian).
16. Zol'nikova N.D. «Istoriya Rossii s drevneishikh vremyon» S.M. Solov'yova v sibirskom staroobryadcheskom sbornike vtoroi poloviny XX v. // Problemy sotsial'no-ekonomicheskogo i kul'turnogo razvitiya Sibiri XVII–XX vv. Novosibirsk, 2005. S. 285–291 (in Russian).
17. Shamara A. Na beregu chyornoj magii // Nauka i religiya. 1963. № 1. S. 24–28 (in Russian).
18. Zol'nikova N.D. Vetkhozavetnye prorochestva v tvorchestve A.G. Murachyova // Gumanitarnye nauki v Sibiri. 2004. № 3. S. 34–38 (in Russian).
19. Zhuravel' O.D. Povestvovaniya agiograficheskogo tipa v pozdnei staroobryadcheskoi traditsii (na materiale Uralo-Sibirskogo paterika) // Istoricheskie i literaturnye pamyatniki «vysokoi» i «nizovoi» kul'tury v Rossii XVI–XX vv. Novosibirsk: Izd-vo SO RAN, 2003. S. 204–228 (in Russian).
20. Zhuravel' O.D. «Povest' izvestnaya i svidetel'stvovannaya o proyavlenii chestnykh moshchei i otchasti skazanie o chudesakh svyatogo i pravednogo Simeona, novogo Sibirskogo chudotvortsya»: modifikatsiya agiograficheskogo kanona // Slavyanskii al'manakh. 2002. M.: Indrik, 2003. S. 311–318 (in Russian).
21. Zhuravel' O.D. Povest' o videniyakh pustynnozhitelya Mikhaila – pamyatnik staroobryadcheskoi literatury // Gumanitarnye nauki v Sibiri. Novosibirsk: Izd-vo SO RAN, 2004. № 3. S. 16–23 (in Russian).
22. Zhuravel' O.D. Staroobryadcheskii pisatel' Afanasii Murachyov: novye sochineniya na evangel'skie motivy // Istoricheskie istochniki i literaturnye pamyatniki XVI–XX vv. Razvitie traditsii. Novosibirsk: Izd-vo SO RAN, 2004. S. 286–307 (in Russian).